

УДК 340.11

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ИНТЕГРАЛЬНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ (ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Разнообразие видов правопонимания в конечном счете привело к появлению концепции интегрального правопонимания. Но и оно не смогло дать в такой степени интегрировать сложившиеся виды правопонимания, чтобы были определены весь состав источников права, место каждого из источников в составе права и взаимосвязь этих источников. В то же время игнорируется значение Конституции как акта позитивного права, на базе которого должно формироваться интегральное правопонимание. В предлагаемой вниманию читателей статье излагается пригодная для целей правоприменения схема концепции интегрального правопонимания, основанная на действующей Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: право, интегральное правопонимание, Конституция, состав права, источники права.

В начале XX века Г. Ф. Шершеневич обратил внимание на «историческое разобщение между философией права и юридическими науками. В то время как юристы занимались исключительно толкованием и систематизированием норм положительного права, философия права разрабатывалась по преимуществу лицами, весьма мало или даже вовсе не причастными к правоведению. Одни изучали право, как оно дано им в нормах, не задаваясь мыслью о том, каким оно должно быть и даже может ли оно быть иным, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы. Эта разобщенность продолжается, к сожалению, и донныне ...» [1, с. 15]. В. Н. Жуков не без оснований утверждает, что Г. Ф. Шершеневич обозначил болевые точки, имеющие место и сейчас [2, с. 22]. В этой связи представляется уместной и даже актуальной попытка формулирования современной, пригодной, по крайней мере, для целей правоприменения, концепции интегрального правопонимания на базе действующей Конституции Российской Федерации.

Многочисленность видов правопонимания и исследований каждого из них, общеизвестность имен ученых, которые занимались исследованиями в этой сфере и выдвинулись в категорию классиков, могут служить оправданием тому, что здесь нет указания на имена ученых, которые создали концепции, используемые в настоящей статье. Целью данной публикации является формулирование такой концепции интегрального правопонимания, которая дает целостное представление о реально действующем праве, которое (представление) необходимо для каждого профессионала, а особенно для тех профессионалов, которые работают в сфере правопримене-

ния и имеют возможность влиять на правоприменение в стране не только интеллектуально и профессионально, но и в силу данной им законом и занимаемыми должностями властью.

Следует согласиться с В. И. Круссом в том, что признание в Конституции РФ и охрана ею прав и свобод человека стали предпосылкой к получению правом исторически беспрецедентной возможности стать конституционным, то есть «повсеместно доступным для научной идентификации, образовательного усвоения и практического утверждения как права достоверного» [3, с. 171]. Возможно, В. И. Крусс несколько увлекся, утверждая, что конституционное правопонимание противостоит всем конкурирующим концептам права и неуклонно отсылает «в поисках ответов на любые вопросы к универсальному источнику правовых смыслов» [3, с. 171]. Но стержень обосновываемых В. И. Круссом идей не должен вызывать каких-либо сомнений.

Более того, достойно удивления то обстоятельство, что и после принятия Конституции РФ 1993 г. идея конституционного правопонимания не получила в юридической науке ни широкого распространения, ни всеобщего признания, хотя критиков она нашла быстро. В этой связи заметим, что идея конституционного правопонимания постепенно пробивает себе дорогу и косвенно признается не только в России.

Обратимся к авторитету бывшего председателя Федерального конституционного суда ФРГ и бывшего президента ФРГ Романа Херцога: «Понятие прав человека несет нагрузку и в смысле их происхождения и защищенности. Позитивизм считает, что права действуют в соответствии с тем и в том объеме, в котором они гарантируются государственно-правовыми нормами (нормативистская теория Кельзена). От этих прав отличаются те, источником которых являются христианские ценности и которые не требуют государственного признания, а действуют как надпозитивные права. Однако такой подход не имеет особого практического значения в ФРГ, поскольку Основной закон и без этого содержит широкий перечень прав, и не было особой необходимости провозглашать или апеллировать к понятию надпозитивных прав, хотя в начале своей деятельности ФКС использовал это понятие. Основной закон исключает конфликт действующей Конституции и надпозитивных прав. Догосударственные права – это те же самые права человека, санкционированные государством» [4, с. 15]. Разве эти мысли не созвучны тому, о чем пишет В. И. Крусс? Мы можем то же самое сказать, что сказал Р. Херцог о Конституции ФРГ, о Конституции Российской Федерации. Она впитала в себя все идеи и принципы естественного права, высшие достижения мировой философской и юридической мысли. Поэтому пора уже перейти от идеи преодоления позитивизма и утверждения естественного права и правопонимания к утверждению конституционного правопонимания, которое, как свидетельствует содержание Конституции РФ и принятых на ее основе законов, не может быть каким-либо другим, кроме как интегральным. Другое дело, что дорогу к утверждению конституционного правопонимания еще предстоит открыть – и науке, и, прежде всего, Конституционному Суду. Если бы удалось достигнуть утверждения конституционного правопонимания недостаточно определенные понятия не правового закона и правового закона можно было заме-

нить гораздо более определенными понятиями конституционного закона и закона, не соответствующего Конституции. Помимо большей определенности эти два последние понятия имеют также признак конструктивности, ибо нацеливают на решение проблемы прямого и реального действия Конституции, на поиск путей последовательного воплощения Конституции в общественные отношения. Мировой опыт показывает, что этому надо учиться непрерывно и долго. Эта учеба не может закончиться никогда, по крайней мере – в обозримом будущем.

Истоки современной правовой традиции в России, конечно же, являются советскими. А они не допускали того, чтобы стержнем права, определяющим и само понимание, была признана Конституция. Определение права, по советской традиции, непосредственно связывается с правовыми нормами. Так, один из ведущих советских теоретиков права Л. С. Явич писал: «Признание правом общих норм поведения явилось важным этапом в развитии советской науки и практики» [5, с. 75]. Для С. С. Алексеева право также было системой общеобязательных, формально – определенных норм [6, с. 104]. Такое понимание права вошло и в учебники теории права [7, с. 11].

Но изложенное не дает ответа на вопрос о том, в каких источниках следует искать эти самые нормы, которые в своей совокупности и составляют право. Исследуя на рубеже XIX и XX веков проблемы толкования и применения гражданских законов, Е. В. Васьковский пришел к выводу о том, что деятельность практической цивилистики должна состоять из четырех стадий: 1) собирания норм; 2) проверки их подлинности; 3) толкования; 4) догматической переработки [8, с. 53]. Но «собирание норм» он признавал выходящим за пределы «научного изучения права», поскольку эта деятельность «не относится к юридической методологии, как не относится к методологии естественных наук исследование способов собирания минералов, растений и животных» [8, с. 54]. По нашему мнению, это утверждение не является правильным. Истоки приведенного утверждения Е. В. Васьковского кроются в том, что он ограничил свою задачу исследования процесса работы с законами, полагая вместе с тем, что выводы относительно догматической переработки законов распространяются и на юридические обычаи, то есть несколько за пределы законов [8, с. 55].

Но этот подход, заключающийся в отождествлении толкования права, правовых норм (с обычаями включительно) и законов основательно укоренился в науке. С. И. Вильнянский в 1948 г. писал о толковании норм и законов, выбирал то термин «норма», то термин «закон», руководствуясь, как можно сделать вывод из соответствующего текста исключительно соображениями изящной словесности (имеется в виду, что многократное употребление одного и того же слова лишает текст признака изящной словесности) [9, с. 42–61].

И. С. Перетерский применительно к теме своего исследования полагал, что «толкование международного договора является одним из видов толкования юридических норм» [10, с. 5]. С таким подходом в свое время согласился П. Е. Недбайло: «В обыденной жизни и в литературе толкование законов и других нормативных актов весьма часто именуется просто толкованием правовых норм [11, с. 324–325]. Можно было бы и не возражать против такого подхода, если бы он не мешал делу,

не вуалировал проблемы, не низводил уровень повседневной практики правотолкования и правоприменения до уровня повседневного, интуитивного, иррационального, а в конечном счете до такого уровня, который немецкие исследователи К. Цвайгерт и Х. Кетц назвали органолептическим [12, с. 207].

А. С. Пиголкин издал монографию под названием «Толкование нормативных актов в СССР», что не помешало ему без каких-либо оговорок вести речь, то о толковании нормативных актов, то о толковании правовых норм [13, с. 5–9 и последующие]. Не стал противиться формированию традиции отождествления понятий толкования права (правовых норм) и толкования закона и А. Ф. Черданцев [14, с. 5–6], который де-факто принял на себя ответственность за развитие науки толкования права в СССР и постсоветской России и нес ее в течение, по крайней мере, 40 лет.

С. С. Алексеев писал, что «главное значение в праве имеет толкование нормативных юридических актов», хотя соответствующая глава в его книге и называлась «Толкование в праве» [15, с. 290].

На этом закончим обзор мнений советских ученых-юристов по проблеме понимания права и его толкования и посмотрим, как же далее развивались представления по этому вопросу в отечественной юридической науке.

Возникли новые условия, из которых следует обратить внимание на исчезновение идеологического контроля над юридической (да и не только юридической) наукой и появление концепции интегрального правопонимания, или интегральной юриспруденции. Эта концепция, правда, возникла еще в 50-е годы. Ее возникновение связывают с именем американского теоретика права Джерома Холла. Истоки этой концепции находят и в дореволюционной российской философии права. Она стала развиваться в последнее время и в современной России.

Сама по себе идея интегральной юриспруденции, интегрального правопонимания должна быть признана конструктивной. Но в теорию правотолкования и правоприменения она внедряется с трудом или вообще пока не внедряется. По существу интегративная юриспруденция пока остается как предмет дискуссии только в сфере философии права и весьма абстрактно понимаемой теории права. Соотечественник Джерома Холла, который имел возможность хорошо осмыслить разработанное им учение, профессор университета в г. Майами С. Хаак высказывает мнение о том, что необходимо искать «золотую середину» между «чисто рационалистическим правовым логицизмом и грубо циничным правовым реализмом» – только в этом случае право может выступать «двигателем морального прогресса» [16, с. 129].

Призыв искать «золотую середину» в середине прошлого века выглядел бы конструктивно. В XXI веке пора уже было делиться результатами таких поисков.

Пока же и философия права остается на позиции абстрактных научных поисков, и теория права вместе с отраслевыми юридическими науками не корректируют свои исследования с учетом констатации, в принципе, очевидной необходимости придания современному правопониманию характера интегрального нет. Даже и В. С. Нерсесянц, стремившийся свой изящный философский дискурс объединить с реальной юридической практикой, характеризовал легистский подход к пониманию права не без элементов примитивной схемы или даже карикатуры: «По существу именно для юридического (“юридический”, поясняет автор. – от слова *jus* – право. –

В. Р.) правопонимания вопрос “что такое право?” является подлинным вопросом, действительной проблемой. Для легистского (от слова *lex* – закон. – В. Р.) же подхода такого вопроса в подлинном смысле не существует, поскольку для него право – это уже официально данное, действующее, позитивное право. У легизма здесь нет проблем, у него лишь трудности с определением (дефиницией) того, что уже есть и известно как право. Трудность эта главным образом состоит в том, что определение позитивного права (как определенная согласованная, непротиворечивая, обобщенная характеристика изменчивого и противоречивого эмпирического материала действующего права) должно и соответствовать определяемому объекту, и вместе с тем быть свободным от его противоречий, исключений и особенностей, которые как раз и существенны для действующего права. Отсюда и та большая осторожность, с какой римские юристы относились к определениям и обобщенным характеристикам действующего права и его институтов. Об этом предупреждает и известное изречение “всякое определение опасно”, восходящее к положению юриста Яволена: “В гражданском праве всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто”» (Д 50.17.202) [17, с. 32–33].

Все-таки легистский подход не является столь примитивным. Ведь именно в законе мы находим отсылки и к обычаям (ст. 5 ГК), и к нравственности, добросовестности и справедливости (ст. 10, 169 ГК), и к официальному (очевидно, в первую очередь, – к судебному) толкованию (ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), и к доктрине (ст. 1191 ГК), и к существу отношений сторон (ст. 4 СК; п. 3 ст. 307.1 ГК), и к интересам сторон или стороны [ст.1 ГК; ст.2 ГПК]. Разве в последних двух случаях не идет речь о включении в позитивное право социологических и аксиологических компонентов?

Поэтому автор настоящей статьи предлагает свое понимание интегральной юриспруденции, которое разработано преимущественно индуктивным путем – от осмысления в течение десятков лет эмпирического материала (положений правовых актов и практики правоприменения) до формирования на этой основе теоретических обобщений.

Осмысление эмпирического материала целесообразно было бы начать с обращения к Конституции РФ. Такой подход может вызвать возражения по той причине, что он уж очень явно устраняет претензии естественно-правового правопонимания на свою определяющую роль, если не вообще, то хотя бы в составе интегрального правопонимания, ориентированного на цели правотолкования и правопонимания. При этом имеется в виду, что Конституция РФ является стержнем позитивного права. А раз так, то речь надо вести не о преодолении позитивизма, о чем не только пишут в науке. Эту мысль можно встретить и в практике Конституционного суда РФ, пока что – в виде особого мнения судьи Г. А. Гаджиева к Постановлению Конституционного суда [от 16 июня 1998 г. №19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»].

В соответствии со ст. 15 Конституции РФ, Конституция имеет прямое действие и подлежит применению на территории Российской Федерации. Конституция имеет также высшую юридическую силу. Все субъекты правотворчества в России обязаны соблюдать предписание части первой ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с ко-

торой законы и иные акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Часть вторая ст. 15 Конституции возлагает на органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц, на граждан и их объединения обязанность соблюдать Конституцию и законы. Это перекликается с положением части первой ст. 120 Конституции о том, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

В соответствии с частью четвертой ст. 15 Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Они включаются в состав позитивного права.

Указы и распоряжения Президента Российской Федерации также не должны противоречить Конституции и федеральным законам (часть третья ст. 90 Конституции). При этом указы и распоряжения Президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации (часть вторая ст. 90 Конституции).

Из части третьей ст. 115 Конституции («постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам и указам Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации») при помощи вывода от последующего правового явления (возможности отмены постановлений и распоряжений Правительства ввиду их противоречия Конституции, федеральным законам и указам Президента) обнаруживается правовая норма, запрещающая Правительству Российской Федерации издавать постановления и распоряжения в противоречии с Конституцией, федеральными законами и указами Президента. При условии отсутствия такого противоречия постановления и распоряжения правительства Российской Федерации обязательны к исполнению (часть вторая ст. 115 Конституции).

Конституция РФ (ст. 76) признает также правотворческие полномочия субъектов Российской Федерации, которые осуществляются в пределах и в соответствии с этой статьей. Поскольку ст. 12 Конституции признает самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий, ст. 43 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает целую систему муниципальных правовых актов. Уже это краткое изложение некоторых положений Конституции РФ дает основания утверждать, что основное содержание объективного права, которое действует в России и подлежит применению и толкованию, составляют нормативные правовые акты, включающие в себя Конституцию, федеральные конституционные законы, иные федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, иные нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты.

Заметим, что термин «законодательство» к настоящему времени утратил свою определенность, поскольку в одних случаях им охватываются все нормативные правовые акты (ст. 3 ГК), которые устанавливают нормы соответствующей отрасли

права, в других случаях к ним относятся и муниципальные правовые акты представительных органов муниципальных образований (ст. 2 БК), в третьих случаях термином «законодательство» охватываются только федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации (ст. 5 ГК). Поэтому во избежание неопределенности употребление термина «законодательство» в тексте, имеющем теоретико-правовое или межотраслевое содержание, является нецелесообразным.

Следующий после нормативных правовых актов блок правовых актов, охватываемых понятием позитивного права, – это «внутренние документы» акционерных обществ (подпункт 8 п. 2 ст. 33 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»; подпункт 19 п. 1 ст. 48; подпункт 13 п. 1 ст. 65 Федерального закона «Об акционерных обществах»), других корпоративных юридических лиц. К этой же категории правовых актов относятся коллективные договоры, соглашения, локальные нормативные акты – источники трудового права. Их юридическая обязательность либо прямо предусмотрена законом, либо вытекает из него.

Договоры (гражданско-правовые, трудовые, административные), иные обязательные индивидуальные акты прямо в состав права не могут быть включены в силу укоренившегося в науке представления о нормах права как таких, которые распространяются не на конкретных субъектов, а на неопределенный круг лиц. Но они в силу указания закона обязательны к исполнению, применяются вместе с правовыми нормами, дополняют нормативный регулятор. Поэтому такие акты должны быть признаны третьим блоком, составляющим позитивное право.

В содержание позитивного права включаются нормы нравственности, поскольку Конституция (например, часть третья ст. 55) или федеральный закон отсылают к такого рода нормам (например, в соответствии со ст. 169 ГК признаются ничтожными сделки, совершенные с целью, противной основам нравственности). Ряд положений Гражданского кодекса отсылает к справедливости (п. 1 ст. 308.3; п. 5 ст. 393 ГК), а несправедливость приговора является основанием для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке наряду с существенным нарушением уголовно-процессуального закона и неправильным применением уголовного закона (ст. 389.15 УПК). Это – четвертый блок норм, включаемых в содержание права.

Пятый блок норм, который включается в содержание позитивного права, – это обычаи. Они занимают довольно высокое место в иерархии средств правового регулирования, поскольку препятствуют применению гражданского законодательства в порядке аналогии закона, а тем более – регулированию гражданских отношений исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, то есть в порядке аналогии права (ст. 6 ГК).

Устоявшаяся судебная практика составляет шестой блок источников, образующих позитивное право. Ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предписывает Конституционному Суду при принятии решения по делу оценивать как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой. Ст. 1191 ГК предписывает судам при применении иностранного права устанавливать содержание его норм, в частности в

соответствии с их официальным толкованием, практикой применения. Пункт 4 ч. 4 ст. 180 КАС устанавливает, что «в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления и решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятые Верховным Судом Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики и законности». Ст. 310 КАС к неправильному применению норм материального права, являющемуся основанием для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке, относит неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовых позиций, содержащихся в постановлениях Конституционного суда, Пленума Верховного Суда, Президиума Верховного Суда. Эти два законодательные положения содержат прямые указания на обязательность правовых позиций, выработанных названными органами судебной власти. В других случаях (ст. 391.9 ГПК; ст. 341 КАС; ст. 308.8 АПК) основанием для отмены или изменения судебных постановлений названо, в частности нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права. Президиум Верховного Суда в Обзоре судебной практики Верховного Суда, утвержденном 25 ноября 2015 г. разъясняет, что «под нарушение судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права понимается содержащееся в судебном постановлении такое толкование правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в постановлении Президиума Верховного Суда РФ».

Седьмой блок источников позитивного права – это доктрина. Ее особенность заключается в том, что без нее современное позитивное право является невыполнимым, поскольку опускается до повседневного, бытового уровня. Указание в ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» на учет Конституционным Судом не только официального, но и иного толкования, может быть интерпретировано как предписание учитывать доктринальное толкование соответствующего акта. На обязанность суда устанавливать содержание норм иностранного права в соответствии с доктриной, существующей в соответствующем иностранном государстве, указывается в ст. 1191 ГК.

За пределы позитивного права не выходят социологические и аксиологические компоненты, поскольку на них либо содержится прямое указание в законе как на источник, в котором следует искать в соответствующих случаях содержание правового регулирования, либо необходимость их учета при правотолковании и правоприменении вытекает из логики закона, иного нормативного правового акта или отдельного его положения.

В международном праве выделяются акты так называемого «мягкого» права. К ним, как обычно считается, относятся резолюции, декларации и тому подобные международные документы. Но это не вполне точно. С одной стороны, когда к актам мягкого права относят Всеобщую декларацию прав человека, то она, хотя и принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, а поэтому считается документом, который рекомендован для всех членов ООН, содержит общепризнан-

ные принципы и нормы международного права, которые признаются частью правовой системы Российской Федерации (часть четвертая ст. 15 Конституции). С другой стороны, к актам «мягкого» права относится Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, хотя он и является международным договором. Он ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР и вступил в силу для СССР 3 января 1978 г. Для Российской Федерации он является обязательным в силу правопреемства. Его юридическая сила основывается также на ст. 15 Конституции. И все же ст. 2 указанного Пакта не обязывает его участников безусловно гарантировать предусмотренные им права, а только предписывает им «принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер». Приведенная формулировка исключает признание Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах актом «твердого» или «жесткого» права. Таким образом, следует признать, что акты «мягкого» права не имеют самостоятельного места и значения в составе позитивного права или права вообще. Но они могут использоваться при толковании актов позитивного права, в особенности Конституции.

Приведенный здесь состав позитивного права, во-первых, показывает, что интегральное правопонимание для целей правоприменения может быть сформировано на базе конституционного, то есть позитивистского правопонимания, если только последнее не будет доводиться до абсурда. Во-вторых, приведенный состав позитивного права исключает отождествление толкования права и правовых норм, поскольку до того, как субъект правотолкования подойдет к толкованию норм права, он должен выполнить большой объем работы, связанный с определением источников, в которых он будет искать правовые нормы и на основе которых он будет эти нормы конструировать, если только эти нормы непосредственно не сформулированы в соответствующих источниках. В-третьих, приведенный состав позитивного права, возможно, и не является исчерпывающим. Возможно, есть и иные компоненты, входящие в состав позитивного права и прямо или косвенно определяющие содержание правового регулирования. О них следует вести дискуссию. Возможность их признания источниками права (позитивного) необходимо обосновывать. Но такие компоненты немотивированно и безоговорочно приносить в состав права (позитивного) нельзя, хотя бы такое приращение и осуществлял Конституционный суд.

В частности, в мотивировочной части Постановления Конституционного суда от 25 января 2001 г. № 1-П сначала дается ссылка ст. 52 и 53 Конституции, которые интерпретируются таким образом, что отсутствие в них «указания на необходимость вины соответствующего должностного лица или лиц, выступающих от имени органа государственной власти, как на условие возмещения государством причиненного вреда, не означает, что вред, причиненный, в частности, при осуществлении правосудия незаконными действиями (или бездействием) органа судебной власти и его должностных лиц, в том числе в результате злоупотребления властью, возмещается государством независимо от наличия их вины». А потом утверждается, что

«наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. закреплено непосредственно. Исходя из этого в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные основания ответственности за причиненный вред, а для случаев, когда таким основанием является вина, решен вопрос о бремени ее доказывания». Но сразу же возникает вопрос о том, что же это за принцип и где же место упомянутого принципа в составе права. К тому же это место должно быть высоким, чтобы указанный принцип мог повлиять на решение вопроса о соответствии Конституции положения предложения второго п. 2 ст. 1070 ГК («вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу»). Подвести этот «общий и общепризнанный» принцип под формулировку части четвертой ст. 15 Конституции «Общепризнанные принципы и нормы международного права» невозможно. Значит, Конституционный суд считает возможным не только индуктивно выводить принципы из многочисленных норм, в данном случае, гражданского права, но и применять такие принципы преимущественно перед установленными законом конкретными правовыми нормами. Такая практика в свое время была опробована Президиумом Высшего Арбитражного Суда, который пришел к выводу о том, что в соответствии с основными принципами Гражданского кодекса за одно и то же правонарушение не могут применяться две меры ответственности. Но текстуально в Гражданском кодексе указанный принцип не закреплен. Он был, очевидно, выведен Президиумом Высшего Арбитражного Суда из Гражданского кодекса индуктивно. Это не помешало Президиуму Высшего Арбитражного Суда применить указанный принцип преимущественно перед ст. 395 ГК и отказать в иске о взыскании процентов (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 18 ноября 1997 г. №2969/97). Пеню за просрочку платежа Президиум все-таки взыскал, но уменьшил сумму пени на основании ст. 333 ГК.

Автор этой статьи не уверен в том, что закону не соответствует практика индуктивного выведения принципов из положений законов и последующее применение таких принципов вопреки конкретным правовым нормам. Но в любом случае, совершая такую операцию, суд (а тем более – Конституционный суд) не должен был ограничиваться указанием на выведенный индуктивно «общий и общепризнанный принцип» вины как условия ответственности, а изложить весь логический дискурс, который привел к выводу о возможности индуктивного выведения такого принципа и корректировки с его помощью ст. 52 и 53 Конституции, ибо Конституционный суд – это не только средоточие власти, но и средоточие интеллекта и профессионализма. И юридическое сообщество ожидает от Конституционного суда не только обладающих обязательной юридической силой актов правосудия, но и уроков правотолкования, правоприменения и образцов правосудия.

Но, как представляется, в данном случае какой-либо логический дискурс был и вообще невозможным, ибо речь шла о весьма специфических отношениях, когда государство при осуществлении судебной власти причиняет вред своему гражданину. По логике вещей, государство как могущественнейший субъект в споре с противостоящим ему слабым и, как обнаруживается, беззащитным гражданином должно

было бы взять на себя ответственность и возместить вред, причиненный гражданину при осуществлении правосудия, без каких-либо условий (кроме условий, установленных ст. 53 Конституции, которые не могут вызывать каких-либо критических замечаний). И это было бы возможно, если бы не обнаружился этот «общий и общепризнанный принцип».

Такой «общий и общепризнанный принцип», если бы дело касалось юридической ответственности человека, можно было бы вывести из ст. 2 Конституции. И это вполне укладывалось бы в пределы полномочий Конституционного суда. Но в данном случае речь шла об ответственности государства перед человеком. И найти конституционные основания для формулирования указанного принципа в позитивном праве, да и в праве вообще, было невозможно. Это лишь подчеркивает актуальность и значимость проблемы привнесения в позитивное право чуждых ему элементов.

Состав компонентов, охватываемых понятием позитивного права, должен особо тщательно осмысливаться и тогда, когда речь идет о включении в него аксиологических и социологических элементов. В упомянутом выше Постановлении Конституционного суда даются ссылки на целый ряд социологических элементов: 1) возможность предъявления в суде требований о возмещении вреда, причиненного при осуществлении правосудия, на общих основаниях будет порождать параллельно с производством в апелляционном и кассационном производстве, производство по делам о возмещении вреда, что по существу перечеркнет процедуру пересмотра судебных решений вышестоящими инстанциями; 2) при отправлении правосудия судья применяет общую правовую норму к конкретным обстоятельствам, дает собственное толкование правовых норм, оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него) и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной); 3) наличие судебской дискреции делает трудновыполнимой задачу разграничения «незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины».

Раз Конституционный суд в обоснование своего Постановления ссылается на эти обстоятельства, значит он признает их имеющими юридическое содержание и значение. Они при таких условиях не могут не иметь такого содержания и значения. Иначе они не приводились бы в подтверждение соответствия п. 2 ст. 1070 ГК Конституции Российской Федерации. И все-таки представляется, что в данном случае приведенные Конституционным Судом обстоятельства не могли юридически повлиять на разрешение дела. Эти обстоятельства нельзя отнести к социологическому компоненту позитивного права. А потому они были излишними и даже неуместными. Они уместны были бы в выступлении депутата в Государственной Думе, который обосновывал бы отсутствие необходимости во внесении изменений в п. 2 ст. 1070 ГК.

Однако практика использования Конституционным Судом подобного рода ссылок в порядке мотивировки своих постановлений получила распространение. И эта практика свидетельствует о том, что Конституционный суд подчас решает не вопросы о конституционности соответствующих правовых актов, а вопросы об уста-

новлении целесообразного правового регулирования. Но это уже – предмет иного исследования.

Изложенное дает основание для вывода о необходимости дальнейшего исследования состава позитивного права и регулирующего значения каждого из компонентов, входящих в этот состав. Целью является достижение такого положения, когда каждый юрист будет не только четко представлять себе состав компонентов позитивного права, но четко понимать место каждого из этих компонентов в составе позитивного права, его соотношение с другими компонентами и юридическое значение каждого из компонентов.

Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. *Философия права*. Т. 1. Часть теоретическая. Общая теория права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911.
2. Жуков В. Н. *Философия права (теоретико-методологический аспект)* // *Государство и право*. – 2009. – № 3. – С. 21–30.
3. Крусс В. *Конституционное правопонимание* // *Право України*. – 2010. – №4. – С. 170–175.
4. *Цит. по: Общая теория прав человека* / Под ред. Е. А. Лукашевой. – М.: Норма, 1996. – 520 с.
5. Явич Л. С. *Общая теория права*. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. – 288 с.
6. Алексеев С. С. *Общая теория права: В 2-х т. Т.1.* – М.: Юридическая литература, 1981. – 360 с.
7. *Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т.2.* / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.
8. Васьковский Е. В. *Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов*. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
9. Вильнянский С. И. *Толкование и применение гражданско-правовых норм* // *Методологические материалы Всесоюзного юридического заочного института*. – 1948. – Вып. 2. – С. 42–61.
10. Перетерский И. С. *Толкование международных договоров*. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
11. Недбайло П. Е. *Применение советских правовых норм*. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.
12. Цвайгерт К., Кетц Х. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В. 2-х т. Т. 1. Основы*. – М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
13. Пиголкин А. С. *Толкование нормативных актов в СССР*. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.
14. Черданцев А. Ф. *Толкование советского права*. – М.: Юридическая литература, 1976. – 168 с.
15. Алексеев С. С. *Общая теория права: В 2-х т. Т. 2.* – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
16. Антонов М. В. *Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство. XXIII Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии* // *Правоведение*. – 2008. – № 2. – С. 126–130.

Rotan. V. The constitutional nature of integral law interpretation (aspect of law application) // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 82–94.

A variety of types of law interpretation finally led to the emergence of the conception of integral law interpretation. But it could not integrate the existing types of law interpretation to the extent that the whole structure of the sources of law was determined, as well as the place of each source in the structure of law and the interrelation of these sources. At the same time the importance of the Constitution as an act of positive law is often ignored, despite the fact that it should be a base for the formation of the integral law interpretation. In the present article, which is offered to attention of readers, the scheme of the concept of integral law interpretation based on the Constitution of the Russian Federation and suitable for the purposes of the law application is proposed.

Key words: law; integral law interpretation; Constitution of the Russian Federation; structure of law; sources of law.

Spisok literatury

1. Shershenevich G. F. *Filosofiya prava*. T.1. Chast teoreticheskaya. *Obschaya teoriya prava*. – M.: Izdanie Br. Bashmakovyih, 1911.
2. Zhukov V. N. *Filosofiya prava (teoretiko-metodologicheskii aspekt)* V.N. Zhukov // *Gosudarstvo i pravo*. – 2009. – №3. – S. 21-30.
3. Kruss V. *Konstitutsionnoe pravoponimanie* / V. Kruss // *Pravo UkraYini*. – 2010. – №4. – S. 170–175.
4. Tsit. po: *Obschaya teoriya prav cheloveka* / Pod red. E.A. Lukashevoy. – M.: Norma, 1996. – 520 s.
5. Yavich L. S. *Obschaya teoriya prava*. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1976. – 288 s.
6. Alekseev S. S. *Obschaya teoriya prava: V 2-h t. T.1*. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1981. – 360 s.
7. *Obschaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs v 2-h tomah. T.2*. / Pod red. M. N. Marchenko. – M.: Zertsalo, 1998. – 640 s.
8. Vaskovskiy E. V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov*. – M.: TsentrYurInfoR, 2002. – 508 s.
9. Vilnyanskiy S. I. *Tolkovanie i primeneniye grazhdansko-pravovyih norm* / S.I. Vilnyanskiy // *Metodologicheskie materialy Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta*. – 1948. – Vyip. 2. – S. 42–61.
10. Pereterskiy I. S. *Tolkovanie mezhdunarodnyih dogovorov*. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 172 s.
11. Nedbaylo P. E. *Primeneniye sovetskikh pravovyih norm*. – M.: Gosyurizdat, 1960. – 511 s.
12. Tsvaygert K., Ketts H. *Vvedeniye v sravnitelnoye pravovedeniye v sfere chastnogo prava. V. 2-h t. T. 1. Osnovy*. – M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1998. – 480 s.
13. Pigolkin A. S. *Tolkovanie normativnyih aktov v SSSR*. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 166 s.
14. Cherdantsev A. F. *Tolkovanie sovetskogo prava*. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. – 168 s.
15. Alekseev S. S. *Obschaya teoriya prava: V 2-h t. T.2*. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
16. Antonov M. V. *Pravo i pravovyye kul'tury v XXI veke: razlichie i edinstvo. XXIII Vsemirnyy kongress Mezhdunarodnoy assotsiatsii filosofii prava i sotsialnoy filosofii* / M. V. Antonov, A. V. Polyakov // *Pravovedeniye*. – 2008. – № 2. – S. 126–130.